

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

1891.

(съ приложеніемъ десяти таблицъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лпн., № 12.

1892.

ленъ былъ одинъ комендантъ *Шоу бэй. Широкама*, по моему, то-же, что *Шира-хотонъ*; послѣднимъ именемъ, по свидѣтельству китайскихъ писателей, Монголы называли одну изъ важнѣйшихъ крѣпостей близъ Ша-ху-коу; какъ застава, она могла называться *кама*, какъ городъ *хотонъ*.

Такимъ образомъ болѣе чѣмъ вѣроятно, что Петлинъ вышелъ въ собственный Китай чрезъ Ша-ху-коу, или черезъ другой, ближайшій къ нему проходъ. Дальнѣйшій рассказъ Петлина, не имѣя подъ рукою его русской реляціи, я не берусь пояснять; во французскомъ текстѣ много очевидныхъ ошибокъ; да едва-ли и самъ Петлинъ велъ полный дневникъ своего путешествія.

Слова два о Великой стѣнѣ; Вы удивляетесь, почему Марко Поло не упоминаетъ о ней; по простой причинѣ, именно той, что въ его время не только самая стѣна *Цинь ши хуанъ ди* была въ заустѣнн, но и память о ней между Китайцами была смутною. Еще во времена династїи *Танъ* о точной линїи, или протяженїи ея, не имѣли ясныхъ свѣдѣнїи. Съ 10 вѣка, когда сѣверный Китай и Монголія подпали власти Киданей, она окончательно потеряла значеніе; въ концѣ 12-го вѣка, когда Гини нашли нужнымъ поставить оплотъ противъ Монголовъ, то устроили свою великую стѣну, или валъ, далеко на сѣверъ отъ *нынѣшней* Великой стѣны. Но вотъ наконецъ въ 14-омъ вѣкѣ воцаряется въ Китаѣ династїя *Минъ*, которая во все время существованїя своего должна была бороться съ изгнанными Монголами; она-то и реставрировала, или лучше сказать, воздвигла новую Великую стѣну, во многихъ мѣстахъ уклоняясь далеко отъ гадательной линїи древней. Грандіозныя части ея, примыкающія къ крѣпостямъ въ горныхъ проходахъ и украшенныя парапетами и амбразурами, которыя такъ поражаютъ путешественниковъ, суть дѣло Минской династїи. О всемъ этомъ находятся положительныя указанія въ китайской исторїи. Древнїе *Aggeres Serium* осталась только въ Китайской поэзіи¹⁾.

Пекинъ, 1-го апрѣля 1876.

Могила Фирдоуси.

(Изъ поѣздки въ Хорасанъ лѣтомъ 1890 г.).

Недоступна шивѣрцу скрытая за цѣпями религіозная шїтская святыня Мешхеда — богатая, златоглавая гробница имама Риза, къ которой стекаются тысячи разноплеменныхъ паломниковъ, несущихъ посплную

1) Любопытно сравнить этотъ отзывъ съ тѣмъ, что пишетъ о Великой стѣнѣ Юль въ своихъ комментарїяхъ къ Марко Поло (Yule. The book of Ser Marco Polo. 2^d edit. 1875. Vol. I, pag. 283.

ленту на ея благолѣпіе; за то доступна по сосѣдству съ Мешхедомъ находящаяся святыня литературная, ничѣмъ нынѣ неотмѣченная — ни гордымъ мавзолеемъ, ни скромною плитою, — никѣмъ непосѣщаемая могила Фирдоуси, великаго и славнаго пѣвца персидской земли.

Понятное желаніе отдать дань уваженія праху творца «Книги о царяхъ», любопытство сравнить его могилу и ея обстановку съ ранѣе посѣщенными мною могилами Хафиза и Са'ди въ Шпразѣ, посмотрѣть, какъ выражается къ этимъ поэтамъ отношеніе Персовъ, наконецъ провѣрить скудныя свѣдѣнія о могилѣ, существующія въ литературѣ, — вотъ причины, побудившія меня воспользоваться кратковременнымъ пребываніемъ въ Мешхедѣ лѣтомъ 1890 года и проѣхать на развалины Туса.

Прежде чѣмъ вступить въ жалкіе остатки этого историческаго города, посмотримъ, гдѣ хоронять Фирдоуси его біографы и что говорятъ о мѣстѣ его погребенія.

Даулетшахъ въ своей тезкерѣ¹⁾ говоритъ, что могила его въ городѣ Тусѣ около «Мезâри-Аббасііе» — «مزار عباسیه»²⁾. Авторъ «Атешкедэ» хоронитъ его просто «въ чистой тусской землѣ»³⁾. Риза-Кули-Ханъ трупъ Фирдоуси черезъ Резанскія ворота выноситъ на кладбище «Багы Фирдоусъ»⁴⁾. Mohl, пользовавшійся многими источниками при составленіи біографіи Фирдоуси, погребаетъ его «въ саду»⁵⁾. Хамдулла Казвинскій говоритъ, что «могила Фирдоуси вмѣстѣ съ могилами Ахмеда и Мухаммеда Газзâли и Ма'шүки Туси находится въ восточной части города»⁶⁾.

Въ настоящее время имена «Мезâри-Аббасііе», «Багы Фирдоусъ» хранятся только въ кнѣгахъ, видимыхъ слѣдовъ отъ нихъ не осталось и народъ ихъ не знаетъ, такъ что возстановить точную топографію Туса съ прилегающими къ нему селеніями едва-ли возможно: осязаемой остается только «восточная часть» города. Разногласія, на нашъ взглядъ, вслѣдствіе разныхъ наименованій мѣста погребенія Фирдоуси, такъ или иначе были

1) Рукоп. Унив. Библ. № 61, fol. 29^a.

2) Рукопись читаетъ «مزار غبائیه», но я предпочелъ чтеніе de-Sacy (Notices et Extraits, IV, p. 237) и Hammer (Gesch. der schön. Redek., 53). Въ «مطلع الشمس» Саниэддоузэ, I, 270 мѣсто это названо, на основаніи Даулетшаха, «مزار عباسیه», — стало быть, разными рукописи тезкерэ въ этомъ названіи даютъ варіанты.

3) Рукоп. Аз. Муз. № 174, fol. 96^a.

4) «مجمع الفصحا», I, 383.

5) Livre des rois (1876), I, LI.

6) «نزهة القلوب», рукоп. Аз. Муз. № 603^b, fol. 146^a. Якутъ ничего не говоритъ объ этихъ могилахъ; Ибнъ-Батута упоминаетъ только о могилѣ Мухаммеда Газзâли, которая въ его время (XIV в.) существовала. Voyages, III, 77. Ср. еще Barbier de Meynard, Dict. géogr. etc. de la Perse, p. 396.

устранены, потому что въ XVI вѣкѣ, мы знаемъ, Фирдоусіева могила была отмѣчена. «И нынѣ», говоритъ тотъ же Даулетшахъ, «его славная могила обозначена и служить убѣжищемъ для паломниковъ». Въ одной рукописи¹⁾ Унив. Библ. № 147, стр. 63 значится: «и нынѣ могила его въ общемъ разрушеніи Туса и отсутствіи его жилья отмѣчена и обозначена *по приказу Убейдъ-Хана-Узбека*. Народъ и особенно шипты-яммиты совершаютъ туда паломничество»²⁾).

Спрашивается, чѣмъ могла быть отмѣчена могила? Опираясь на сейчасъ приведенныя слова объ «убѣжищѣ для паломниковъ», естественно заключить, что тамъ должно было быть зданіе, постройка, выдѣлявшаяся среди общаго раззоренія и развалинъ тусскихъ. Можетъ быть, объ этомъ памятникѣ упоминаетъ бывшій въ Тусѣ въ 1821 году Фрезеръ, который видѣлъ маленькое зданіе съ куполомъ, изукрашенное изразцами; «этотъ куполь покрываетъ прахъ славнаго поэта Фирдуси»³⁾. Ханыковъ въ 1858 году этого зданія уже не засталъ: «Мѣсто погребенія Фирдуси извѣстно только по преданію; маленькая часовня (chapelle), которая во времена Фрезера указывала мѣсто его могилы, пропала и великій поэтъ покоится подъ хлѣбнымъ полемъ»⁴⁾. Послѣ этого кажутся весьма странными слова Вамбери, посѣтившаго Тусъ въ 1862 году: «Прежде чѣмъ окончательно разстаться съ священнымъ городомъ (Мешхедомъ), я предпринялъ поѣздку къ гробницѣ одного изъ величайшихъ иранскихъ пѣвцовъ, гробницѣ Фирдоуси, мѣсто которой мнѣ указали въ лежащихъ къ сѣверу отъ города (Мешхеда) развалинахъ Туса. Памятникъ весьма скромный...»⁵⁾.

Что могъ принять Вамбери за скромный памятникъ Фирдоуси, когда такового уже не было? Можетъ быть, большое куполообразное зданіе, до сихъ поръ уцѣлѣвшее, но оно болѣе чѣмъ скромное, — оно должно было быть въ отдѣлкѣ грандіозное.

Что касается современнаго состоянія могилы, то собирать о ней свѣдѣнія и дѣлать разспросы я началъ съ перваго же момента, какъ, направляясь въ Мешхедъ, ступилъ на персидскую землю въ Новомъ Сарахѣ.

1) Въ своемъ трудѣ «Энвери», стр. IV, я пользовался этою рукописью какъ تذکرۃ دولتشاه; таковою же она считалась въ рукописномъ и считается въ печатномъ спискѣ манускриптовъ Универс. Библиотеки (Indices alphabeticis codicum manuscriptorum... C. Salemann et V. Rosen, p. 13). Это ошибка. Повторяя иногда дословно Даулетшаха, рукопись иногда представляетъ существенныя отступленія — сокращенія, дополненія; мѣстами неизвѣстный авторъ прямо ссылается на Даулетшаха; см. напр. стр. 30, 44.

2) Эти же самыя слова мы читаемъ и въ مجالس المومنین стр. 482, причежъ Нурулла добавляетъ: «сочинитель этой книги также удостоился и сподобился посѣтить эту могилу».

3) Narrat. of a journey into Khorasan, p. 519.

4) Mémoire sur la partie méridionale de l'Asie centrale, p. 110.

5) Meine Wanderungen und Erlebnisse in Persien. Pest, 1867, p. 326.

Здѣсь персидскій «каргузаръ» — чиновникъ Министерства Иностран-ныхъ Дѣлъ — Мирза-Али-Ханъ и командиръ сарахскаго гарнизона генераль Юсуфъ-Ханъ увѣрили меня, что могила существуетъ, что есть на ней плита, и въ очень недавнее время окружающее мѣсто расчищено бывшимъ хорасан-скимъ генераль-губернаторомъ Асыфэддоул¹⁾, который даже началъ на мо-гилѣ какія-то постройки. То же самое повторилъ мнѣ и сопровождавшій меня отъ Сарахса до Мешхеда какой-то захудалый ханъ, пзъ челядинцевъ сказан-наго командира, данный мнѣ въ силу приказа хорасанскаго генераль-губер-натора (недавно смѣненнаго) Рукнэддоулъ, брата шаха²⁾. Наконецъ тѣ-же свѣдѣнія сообщилъ мнѣ и самъ генераль-губернаторъ, которому я былъ представленъ нашимъ гостеприимнымъ генеральнымъ консуломъ П. М. Власовымъ.

Такимъ образомъ могила существовала; надгробная плита, по разска-замъ, должна была быть, хотя никто не увѣрялъ, чтобы самъ её видѣлъ; о какомъ либо уцѣлѣвшемъ надмогильномъ памятникѣ ничего не говори-лось, — за то были начатыя постройки. Мое любопытство усиливалось.

Наконецъ, спутствуемый консульскимъ гулямомъ и казакомъ, я былъ 28 августа 1890 года на тусскихъ развалинахъ, проѣхавъ отъ Мешхеда немного болѣе 4-хъ часовъ шагомъ и вступивъ въ нихъ черезъ старыя западныя ворота. Оставивъ лошадей подъ кровомъ большаго куполообраз-наго сооруженія, нѣкогда, можетъ быть, мечети, я къ мѣсту могилы дол-женъ былъ пройти пѣшкомъ, такъ какъ внутри стѣнъ путь пролегалъ че-резъ мѣста, засѣянные клеверомъ и хлѣбомъ и взрѣзанныя водоносными ка-навами. Я направился въ юго-восточный уголъ городскихъ стѣнъ, въ ко-торомъ ютится маленькая деревушка, носящая названіе Туса; вышелъ черезъ неё за черту города и, взявъ налѣво, по восточной стѣнѣ черезъ одинъ изъ ея проваловъ вступилъ опять въ городъ. Около меня собралось уже нѣсколько человекъ крестьянъ, крайне предупредительныхъ и госте-приимныхъ, и въ числѣ ихъ увѣнчаннй чалмою ахундъ. Въ самомъ незна-чительномъ разстояніи отъ старой стѣны я вступилъ въ большой четырех-угольникъ, обнесенный новою глинобитною стѣною, выведенною въ вышину не болѣе какъ на треть средняго человѣческаго роста; въ самой срединѣ че-

1) Мирза Абуль-Ваххабъ-Ханъ, нынѣ скончавшійся, до назначенія на эту должность въ Шеввалѣ мѣсяцѣ 1301 года, былъ министромъ торговли и земледѣлія и носилъ титулъ Насірэддоулъ (см. *مطلع الشمس* II, 383). Я зналъ его лично въ бытность въ Тегеранѣ въ 1883 г.: это былъ человѣкъ чрезвычайно разносторонне образованный, отличный зна-токъ персидской литературы и мусульманскаго сектанства.

2) Замѣтку о немъ и его портретъ см. въ № 10 (Рамазанъ 1300 г.) издававшагося въ Тегеранѣ иллюстрированнаго журнала «*شرف*».

тыреугольника возвышался неправильной формы холмъ съ срытой болѣе чѣмъ до пояса верхушкой. — «Вотъ могила Фирдоусъ — *ابن است قبر فردوسی*» — сказали почти въ одинъ голосъ мои спутники. Завязалась разспросная бесѣда. «Лѣтъ семь-восемь тому назадъ былъ здѣсь холмикъ, который въ народѣ былъ извѣстенъ подъ именемъ «Фирдоусіева холма» — *تپه فردوسی* — и пользовался доброю славою: къ нему сгѣшили всякій, у кого было недужное животное; пригонялъ его сюда, водилъ раза два-три вокругъ холма, и болѣзнь проходила: холмъ имѣлъ цѣлебную силу. Старпки говорили, что былъ здѣсь когда-то камень, но увезли его на подѣлку бани въ одну изъ деревень. Покойный Асыфэддоулэ разрылъ холмъ, выложилъ образовавшуюся площадку кирпичемъ, вывелъ вотъ эти стѣнки, при входѣ въ нихъ хотѣлъ устроить «сэрдэръ» — *سردر* (вышку, мезонинъ) —, но не докончилъ задуманнаго, умеръ».

Разрытый холмъ съ разровненною площадкою, на которой длина самой могилы на прилагаемомъ рисункѣ (табл. V), сдѣланномъ со снятой мною фотографіи, обозначена стоящею и сидящими фигурами консульскаго гуляма и крестьянъ, составомъ своимъ — цѣлымъ и битымъ кирпичемъ, осколками цвѣтнаго изразца — не оставляетъ никакого сомнѣнія, что онъ образовался отъ рухнушаго, неизвѣстно въ точности, когда, и осѣвшаго зданія; можетъ быть того самаго, которое видѣлъ Фрезеръ и которое литературное преданіе приписываетъ Убейдъ-Хану. Сказка о надгробной плитѣ заслуживаетъ мало вѣроятія: современная Фирдоуси, если таковая была, едва ли могла сохраниться; позднѣйшая, хотя бы того же Узбека, врядъ ли могла бы составить предметъ зависти и жадности крестьянъ. Мешхедъ и его окрестности изстари изобилуютъ камнемъ, годнымъ на всякаго рода работы и издѣлія: тащить плиту съ могилы воспрепятствовало бы, мнѣ кажется, извѣстная доля суевѣрія, если не уваженіе къ праху покойника. И мы видимъ, что подъ куполомъ зданія, о которомъ не разъ упоминалось, до сихъ поръ валяются два надгробныхъ камня, обколупанныхъ, вывѣтрившихся, съ надписями, которыя читаются лишь въ отдѣльныхъ словахъ, и на нихъ не посягнула ни одна досужая рука, просто потому, что въ нихъ нѣтъ никакой надобности.

Насколько точно опредѣлено мѣсто могилы Фирдоуси, мы, конечно, рѣшительно ничего сказать не можемъ. Асыфэддоулэ имѣлъ дѣло уже съ «Фирдоусіевымъ холмомъ»; чѣмъ руководился Убейдъ-Ханъ при своей отмыткѣ, мы ничего не знаемъ: несомнѣнно, были у него свои данныя, въ видѣ ли преданій или болѣе точныхъ и многочисленныхъ писанныхъ свидѣтельствъ, воспользоваться которыми при тогдашней топографіи Туса было значительно легче и удобнѣе. Остается одно согласнымъ съ показаніемъ

персидскаго географа: нынѣ указываемая могила находится недалеко отъ восточной стѣны стараго Туса.

Какъ можно сравнивать её съ «Хафизіей» и «Са'діей», мѣстами послѣдняго отдохновенія ширазскихъ соловьевъ Хафиза и Са'ди, которые покоятся подъ стѣною стройныхъ кипарисовъ, въ ароматѣ душистыхъ розъ и цвѣтовъ, подъ рѣзными тонкой работы надгробными плитами, надъ которыми раздается веселая пѣснь Хафиза и поучительный разговоръ Са'ди въ устахъ гуляющаго и помнящаго ихъ люда; здѣсь же одно запустѣніе, груда мусора, проросшаго колючкой, битаго кирпича и вмѣсто сознательнаго человѣка безсознательное животное—искалѣченная лошадь, мулъ, баранъ, осель. Дстойное великаго поэта общество, достойная его память!

Такое забвеніе и такая безотрадность въ сосѣдствѣ Мешхеда отчасти понятны: здѣсь «арзп-акдасть»—святѣйшая земля; и вотъ съ этою-то мыслию и носятся постоянные и пришлые жители города, полагая, что этимъ двумя словами исчерпывается вся ихъ жизненная задача: поклоняйся усердно порогу имама Риза и оставь всякія другія помышленія. «Святѣйшая земля, благословенный порогъ, благословенный дворъ...» п какой-то Фирдоуси, который и при жизни своей получалъ укоры за то, что воспѣвалъ еретиковъ, огнепоклонниковъ¹⁾).

Далье. Отъ стараго Туса теперь только городище, — развалины городскихъ стѣнъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ недавно поправленные, цитадель, одна постройка, полуразвалившійся мостъ черезъ Кешефъ-Рудъ, двѣ жалкія деревушки, прилѣпившіяся къ стѣнамъ; все это въ сторонѣ отъ большой дороги²⁾. Завернуть въ Тусъ положительно незачѣмъ: нѣтъ красиваго, живаго уголка, нѣтъ ничего привлекательнаго, что Персы обыкновенно называютъ: *جای تماشا* п *جای باصفا*; мѣсто унылое, неоживляемое даже рѣкою, которая лѣтомъ, правда, почти пересыхаетъ; даже усталый караванъ, направляясь въ Мешхедъ, тутъ не остановится, — онъ протянетъ далье до «луга Кахка» — *چمن قهقه*...

Неужели не суждено могилѣ Фирдоуси получить болѣе благообразный видъ? Неужели не устроится когда нибудь «Фирдоусіей»? Благой примѣръ и начало Асыфэддоуля показываютъ, что можно углубляться въ вопросы «святѣйшей земли» п не во вредъ имъ заниматься другими дѣлами, можетъ быть, не столь душеспасительными. Нужно въ данномъ случаѣ побольше

1) Нѣкоторыхъ изъ нихъ, по крайней мѣрѣ Рустема, литературные смѣльчаки самаго недавняго времени сдѣлали шпантами. См. мою замѣтку «Мусульманство Рустема Дастановича» въ *Живой Старинѣ*, вып. 4, стр. 109 и сл. (СПБ. 1891).

2) Подробнос и добросовѣстное описаніе тусскаго городища см. въ *مطلع الشمس* I, 180—184.

ума и любви къ родной литературѣ и поменьше показнаго благочестія... О средствахъ и заикаться не стоитъ: при дешевизнѣ строительнаго матеріала и рабочихъ рукъ, приличная надгробная плита, обсаженная деревьями, кусты розъ, часовенька — **بقعة**, бассейнъ съ проточной водой (она подъ руками), у которой, по рассказамъ, такъ любилъ обдумывать свои эпическія картины Фирдоусъ, обойдутся крайне дешево и будутъ заслуженною данью соотечественниковъ творцу «Шахъ-намэ».

Нынѣшній же жалкій видъ его могилы, къ стыду Персовъ отмѣченный когда-то ихъ исконными врагами Узбеками, заставляетъ всякаго проходящаго сюда невольно вспоминать горькое земное странствіе поэта, который сохранилъ Персіи ея Рустемовъ, Сохрабовъ, Кейкаусовъ, Кейкобадовъ и убѣждаться, что о самѣмъ гениальномъ виновникѣ живучести этихъ народныхъ героевъ современная Персіи забыла...

В. Жуковскій.

Два послѣднихъ бабидскихъ откровенія (لوح).

Лѣтомъ 1890 г., когда я былъ еще слушателемъ офицерскихъ курсовъ при Учебномъ Отдѣленіи Восточныхъ Языковъ, мнѣ приходилось отбывать обязательный лагерный сборъ. Желая лѣтомъ попрактиковаться въ разговорномъ персидскомъ языкѣ, а также познакомиться немного поближе съ бабидами, я просилъ разрѣшенія отбывать лагерь не въ Красномъ Селѣ, а въ войскахъ Закаспійской Области, что мнѣ и было разрѣшено въ видѣ исключенія и на собственный счетъ.

Къ моему крайнему прискорбію я до своего отъѣзда никому не сообщилъ о моемъ намѣреніи заняться бабидами, а потому и не имѣлъ возможности ознакомиться съ трудами Э. Г. Броуна (E. G. Browne). Даже труды барона В. Р. Розена мнѣ стали извѣстны только благодаря любезности І. Ф. Готвальда, радушный пріемъ у котораго въ Казани я вспоминаю съ искренней признательностью¹⁾.

1) Благодаря І. Ф. Готвальду, мнѣ удалось приобрести у татаръ при *искусномъ* посредствѣ І. Ф. 4 арабскія рукописи, изъ коихъ двѣ по мусульманскому праву могутъ представить нѣкоторый интересъ. Я подчеркнулъ «*искусномъ*», такъ какъ учиться надо у І. Ф. умѣнию разговаривать и торговать рукописи у татаръ, умѣнию пріохотить ихъ продавать кяфирамъ этотъ запрещенный плодъ.

